

Памяти друзей

Валентин Крапива

Легенды Одессы: Возвращение в Эдем

Одесская жизнь 29.08.2013

Памяти Валентина Крапивы

На моей книжной полке стоят книги, подаренные мне Валентином Крапивой. Он писал для нас статьи в журнал «Одесса», в журнал «Пассаж», в альманахах «Дерибасовская – Ришельевская». О чем писал? Чаще всего об Одессе, городе, который он любил, о КВН, игре, ставшей его батутом, подкинувшем в журналистику.

Трагическая весть о смерти Валентина Крапивы побудила нас обратиться к его другу, тоже КВНщику, а ныне журналисту Сергею Осташко с просьбой найти какой-либо еще не опубликованный Валей текст.

Сергей Осташко прислал нам эту статью. Хоть она была уже опубликована в газете, но в ней так много юмора и теплоты, характерных для Валентина Крапивы, что мы в память о нем решили ее перепечатать.

Евгений Голубовский

Воспоминания – единственный рай,
из которого нас нельзя изгнать.

Оскар Уайльд

Одесса – удивительно несерьезный город. Здесь странным образом переплелись ее история и ее действительность, ее литература и ее косноязычие. Причем все они вышли из одесских квартир, прошли школу мужества в одесских дворах и набили руку и шишки на одесских улицах. Эдуард Фукс со своей «Историей нравов», если бы приехал в Одессу, тут же густо покраснел и тотчас вернулся в свой Берлин, чтобы страшно извиниться перед почитателями европейских нравов, ибо тамошние нравы не могли идти ни в какое сравнение с одесскими.

Сколько-то лет назад автор этих строк совместно с редакцией нашей газеты придумал игру, которую мы назвали «Легенды Одессы» и сделали рубрикой. Но читатели «Одесской жизни», будучи типичными одесситами, не вдаваясь в нюансы языка,

периодически задают автору вопрос: «А ты кто такой?». Ладно, вот вам пару слов о себе. Хотя как может одессит отделять себя от своего города?! Однако чувствую, что два надвигающихся праздника – День рождения Одессы и начало школьного года – отредактируют эти воспоминания.

Школа нашего мужества

Я жил и рос в нормальном одесском доме с нейтральным номером 14 по переулку Нечипоренко. Кто такой или такая было это Нечипоренко, конечно, не знал никто, потому что все называли этот переулок Авчинниковским. А вот кто такой купец Авчинников, здесь помнили и через 40 лет после известных октябрьских разборок с авчинниковыми и держали купца за серьезного делового человека.

Я учился в нейтральной школе с нормальным номером 92, стоявшей на углу Александровского проспекта и улицы, слава богу, снова Успенской. Она, дававшая мне положенное среднее

образование, ничем, кроме своих крепких хулиганских нравов, не отличалась. Справиться с моим классом в 52 ученика могла только наша классная руководительница Валентина Степановна. Увы, у нее не было одной ноги, так что она ходила, ловко орудуя почему-то всего одним костылем. Этот костыль и летел во время классного часа над нашими головами и попадал в точно заданную акваторию класса, где сидел очередной виновник вспышки ее гнева. И не дай бог, если через секунду, счастливый от выпавшей прямо на его голову чести, тот не доставлял это вещественное дополнение к системе Макаренко в руки стоявшей в этот момент на одной ноге Валентине. Было-таки что послушать из уст опытного педагога-словесника. В эти минуты мы представляли, как ворочается в гробу Михаил Иглицкий, строивший когда-то это здание как идеальную гимназию для сильно одаренных еврейских детей. В пятидесятые годы XX века на смену сильно одаренным пришли мы, и без ложной скромности скажу: это была большая разница. И все равно наша Валентина была спасением для школы. Потому что учителя-мужчины не были способны подняться в области педагогики до таких высот. Просто не были созданы для этого.

Свой домашний шпион

Черчение в нас вбивал веселый чуть лысеющий и сильно интеллигентный Сергей Алексеевич Габис, подозрительно похожий на мудреца Махатму Ганди, только без усов. По тому, с каким азартом в прокрустовом ложе урока он все геометрические построения сводил к фортификационным изыскам находчивых одесситов в героическую Крымскую кампанию 1854 года, мы быстро высчитали, что Габис – это, скорее всего, и есть тот Сигабин, который написал прелестную очень одесскую книгу «Прапорщик Щёголев». Сергей Алексеевич свое авторство всегда отрицал, но его кокетливые отнекивания ему не помогли. Приговор был суров: это он прославил отважного прапорщика и его батарею, которые не допустили оккупации Одессы англо-французской эскадрой в лихую годину.

Учителем труда у нас был непростительно молодой и столь же непростительно рыжий высокий еврейский парень, которого называть Аркадием Львовичем язык просто не поворачивался. Поэтому в минуты задушевного трепа (а чем еще заниматься на уроке типично одесского труда в типично одесской школе?) мы обращались к нему не предусмотренным школьной этикой обращением – Аркаша. Его это не радовало, но и не трогало. Просто, видимо, наглость нашего панибратства не вписывалась в круг его интересов. Если на уроке выпадала свободная минутка, он уединялся в тени тисков и что-то перекладывывал в своих бумагах, которые приносил из дому в толстой папке.

Я, может быть, единственный, кто знал, что в той папке укрывалось. Мы с Аркадием Львовичем жили в одном дворе, и окна моей мансарды, где с утра до ночи мы с пацанами резались в настольный теннис, смотрели прямо в окна его квартиры, где тоже с утра до ночи, особенно по выходным, не гас свет. Я часто видел Аркадия Львовича склонившимся над письменным столом. За его спиной возвышались стеллажи с золотообрезным Брокгаузом и Ефроном. Чем он там занимался, было загадкой для всего дома. И если эта загадка остальных соседей, считавших, что от «своих» что-то скрывать некрасиво, просто интриговала, то одного соседа она накаляла. Это был ветеран 3-го этажа дядя Боря, в свое время уволенный из органов с официальной формулировкой «за неправильное понимание задач организации», что неофициально означало – «за беспросветную глупость».

Но однажды у дяди Бори чуть не случился праздник. Его бывшие коллеги, сотрудники госбезопасности, ловили в нашем дворе заправдашнего шпиона, и именно в той парадной, где жил Аркадий. Дядя Боря даже достал из шкафа свой поеденный молью китель, чтобы где надо дать правдивые показания о негаснущем допоздна Аркашином окне. Но случился не праздник, а почти инфаркт: утром Аркадий как ни в чем не бывало появился у дворового крана, традиционно почистил об его металлическую ванну туфли, за что тут же выслушал от дворника с загадочным прозвищем Шурум-Бурум традиционную речь в защиту крана и гигиены. Эта речь и сам Аркадий так расстроили дядю Борю, мечтавшего чтобы у нас, в Авчинниковском, 14,

появился свой шпион, что он целый месяц не снимал китель, так что именно в нем дядю Борю увезли в специальную больницу на Слободку. Но жильцы дома рассудили это философски: в конце концов, так ли это принципиально, появился у нас свой шпион или свой сумасшедший?

Блеск и нищета мадам Малой

И вдруг в невероятно дефицитной в те годы газете «Неделя» появились истории про какой-то удивительный одесский двор, про его форпост, про уполномоченную Осоавиахима товарищ Малую, про дворника Шурум-Бурума, перекочевавшие позднее на страницы великолепного романа «Двор». Тогда наше теннисное братство первым догадалось, что литературная Малая – это и есть та мадам Малая, что живет через две двери от моей квартиры. Кстати, это разъяснило, почему она всегда только ногой открывала дверь в нашу проходную кухню и вечно учила мою бабушку, как жарить «анчаусы», чтоб подсолнечное масло не брызгало, как скаженное, по всему потолку.

– От вашего масла такое амбре, что все думают, что это пожар. Вы дождетесь, что сюда сбежится весь дом вроде полюбоваться пожаром, а на самом деле попробовать вашу рыбу. Попомните мое слово: они не уйдут, пока не съедят всю сковородку, может быть, даже вместе со сковородкой.

И в тот момент газета с рассказом «Уполномоченная Осоавиахима» была главным аргументом в ее руках, которым она размахивала и стучала по столу, чтобы усилить эффект от ее кулинарных уроков.

Вот тогда всем стало ясно, что этот хитрец Аркаша никакой не шпион, а великий русский писатель (как пишет энциклопедия «Википедия») Аркадий Львов, почему-то скрывший от союзного и мирового читателя свою неординарную одесскую фамилию Бинштейн. Но что особенно необъяснимо: после этих публикаций в «Неделе» популярным в нашем доме стал не он, а все-таки мадам Малая. Хотя уже и тогда ее авторитету было тесно в рамках нашего двора.

Держаться и не стать другой!

Да, Одесса – удивительно неординарный город. Здесь приятно жить всем, кроме писателей (может быть, поэтому они и уезжают кто куда, даже в далекую Америку), потому что здесь нельзя ничего придумать – уже все придумала Одесса. Кстати, так поступил и мой бывший сосед Аркадий Львов, подаривший перед отъездом очерк «Одесские катакомбы». Ему тоже было непросто. Какие тайны катакомб он мог открыть, если в нашем дворе их знал каждый ребенок?! Так ведь прямо напротив Аркашиной парадной был вход в подвалы, которые уходили в глубину и вели бог знает куда. А тут еще однажды ночью прямо напротив нашего дома под землю провалился «Москвич», синюю крышу которого лично я, идя утром в школу, видел в глубине провала и слышал оттуда смех двух пьяных баб. Когда днем я возвращался домой после

уроков, яма была уже пуста. А уже известная мадам Малая, хорошо поинформированная в таких делах, по секрету рассказывала моей бабушке, что никакие спасатели еще не приезжали (прошло всего восемь часов – какие спасатели ездят в Одессе так быстро?), но тот синий «Москвич», из которого доносился пьяный женский смех, видели через пару часов в Аркадии. Вот что вдохновило А. Львова на очерк, а ребят нашего двора на дискуссию: значит, это таки катакомбы, и по ним можно добраться прямо в Аркадию, хотя не решенным оставался вопрос: где взять двух пьяных баб, которые покажут туда дорогу в лабиринте катакомб?

Да, такой была Одесса во времена моей юности, и не дай бог ей стать другой!

